АКТУАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА ФИЛОСОФИИ: ИСКУССТВЕННАЯ ПСИХИКА ПРОТИВ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

И.Р. Скиба (Минск, Беларусь)

В настоящее время насущным стал вопрос о приоритетах в образовательном, научном направлениях деятельности. Это вызывает жаркие дискуссии на форумах высокого уровня. Однако немаловажным является вопрос о сохранении ценностных ориентиров для молодых людей, когда идеологическая платформа не наполнена содержанием. Научный мир полон идей, которые прежде было невозможно осмыслить. В настоящее время злободневной и актуальной проблемой философского знания является создание искусственного интеллекта.

Необходимость создания искусственного интеллекта оказывает существенное воздействие на приоритеты мирового научного сообщества. Без сомнения, главенствующая роль в разработке искусственного интеллекта позволит той или иной стране, группе ученых войти в мировую историю в качестве совершивших самый большой прорыв со времён изобретения человечеством колеса. Состоявшаяся в 1956 году конференция «Dartmouth Summer Research Project on Artificial Intelligence» и выступление на ней Джона Маккарти позволило проблематике, связанной с искусственным интеллектом (далее ИИ), прочно войти в сферу интересов различных научных дисциплин [5, с. 185]. Кибернетика, информатика, синергетика, математика, физика, экономика, теория игр, нейропсихология, нейробиология и когнитивизм – таков далеко не полный перечень дисциплин, которые прямо или косвенно затрагивают проблематику ИИ [2; 3; 11; 12].

Начало исследований в области ИИ (конец 1950-х гг.) связывают с работами Алана Ньюэлла и Герберта Саймона, исследовавших процессы решения различных задач [11; 12]. Результатом их совместной работы стали программы «Логик-теоретик» и «Общий решатель задач», действующие на основе применения разнообразных эвристических методов. В 1970-х гг. появилась система автоматизированного перевода документации ЭСПРИТ, разработанная в рамках европейской программы. Значительным продвижением в развитии теории ИИ было выдвигание идеи М. Мински и Р. Шенка о фреймах [6]. Интересы и предпочтения, разумеется, расходятся: одни считают, что интереснее, полезнее и практичнее воспроизводить различные функции, ранее считавшиеся прерогативой человека, другие же пытаются сделать нечто похожее на то, что в качестве интеллекта функционирует в самом человеке. Философы продолжают спорить о «сильном и (или) слабом ИИ» со времён Джона Сёрла [13]. «Китайская комната» в войне аргументов противостоит тесту Тьюринга [14]. Сильный ИИ, который «будет разумом в том смысле, в котором человеческий разум – это разум», со своей стороны противоречит тем, кто считает это и вовсе невозможным и «слабым».

Последние из достижений и открытий в области ИИ достойны повышенного интереса и истинного восхищения. Например, программа, написанная сотрудниками Технологического института Джорджии в США, воссоздала игру SUPERMARIO без знания исходного кода. Актуальными задачами для нейросети выступают подготовка отзывов для кафе и ресторанов, определение лиц с нетрадиционной ориентацией по фотографиям пользователей соцсетей [14]. Программа, заявленная в качестве ИИ и разработанная компанией DISNEY, может оценивать качество текста.

Однако, несмотря на эти достижения, многие вопросы, связанные с ИИ, остаются неразрешёнными. Корреляция между теоретическим определением ИИ и предполагаемыми (запрашиваемыми) практическими его функциями достигает существенных масштабов в своём несоответствии.

Относительно определений понятия «искусственный интеллект» можно встретить следующие толкования:

- комплексная научная дисциплина, которая занимается созданием ИИ;
- программа, способная к самообучению и саморазвитию;
- машина, способная «думать»;
- алгоритм, способный на творчество и т.д.

Учитывая, что среди гуманитариев понятие «интеллект» само по себе вызывает много вопросов, не совсем понятным является то, чего от него хотят те техники, которые пытаются сделать его «искусственным». Ведь, вроде бы человек сам по себе способен на всё то, что на данном уровне развития «умеет» ИИ, но ведь и, к примеру, млекопитающие так же способны на некоторые способы жизнедеятельности доступные человеку (в плане физиологии), но это же не делает их более «человечными», «человеческими» или слишком «человеческими». Таким образом, закономерен вопрос, должно ли считать, что созданные и заявленные в качестве лучших из возможных прототипов ИИ программы, действительно имеют отношение к ИИ и тому, на что он способен? Каковы критерии интеллекта, будь он хоть «человеческим», хоть «искусственным»? Интеллект – это некий механизм,

способный функционировать изолированно или некое качество, свойство, присущее механизму, который сам по себе является чем-то вовсе иным?

В связи с вышесказанным, необходимо обратить внимание на тест Тьюринга и «Китайскую комнату» Сёрла и рассмотреть их критерии «истинности» наличия ИИ. Выскажем собственную точку зрения относительно теста Тьюринга: на наш взгляд самый главный момент, не уточненный автором-разработчиком, – перечень задаваемых вопросов. Он использовал тотальное влияние контекста ситуации, когда устанавливал критерии собственного теста, т.е. «если я не смогу понять, кто мне отвечает», что является внушительной формулировкой, когда мы помним, что это относится к ситуации, где за ширмой спрятан самый могущественный в мире компьютер и, рядом с ним, обычный среднестатистический человек. Но если задать конкретный вопрос: «В каком году распался СССР?», то среднестатистический человек назовёт конкретный год и компьютер назовёт конкретный год. И если им обоим смоделировать одинаковые или «по-человечески» схожие голоса для ответа, то ИИ давно уже создан и успешно применяется («Окей, Гугл»), ибо никто не понял бы разницы, а если нет – то в чём же отличие ИИ от живого человека? Видимо, дело не в конкретном ответе в плане информационной нагрузки, а скорее в интонации. И вот именно здесь мы оказываемся в «Китайской комнате» Сёрла. В целом, относительно данного эксперимента можно сказать следующее: «никто не заметил слона», ибо требования истинности, предъявленные Сёрлом, непреходимы в принципе и, более того, они наталкивать способны на мысли о самой природе психики, интеллекта и души. Собственно именно теперь мы и подходим к основной части нашей работы, в которой в противовес тесту Тьюринга и «китайской комнате» Сёрла присутствуют в качестве экспериментов «Человек без души» и «Анти-Декарт».

Анти-Декарт

Как гласит эксперимент Декарта: он сперва попробовал представить себя без души – и это у него не получилось, затем же он попробовал представить себя без тела – и это ему весьма успешно удалось [29]. Следовательно – человеку неизбежно присуща душа. При всём нашем уважении к Декарту и учитывая его исторический вклад в научное знание, мы всё же попробуем верифицировать его эксперимент ещё раз, ибо, по всей видимости (возможно!), Декарт при доказательстве истинности собственного эксперимента использовал то же самое влияние контекста, что и Тьюринг в случае со своим тестом.

Итак, я попытаюсь представить себя без тела и...ничего не произойдёт. Мне нечем видеть, ибо глаза остались в теле; мне нечем слышать, ибо уши остались на теле; мне нечем чувствовать, ибо кожа осталась на теле; мне нечем даже думать и представлять, ибо мозг остался в черепе тела.

Вывод: невозможно представить себя изолированно от собственного тела, следовательно – выводы из эксперимента Декарта неправомерны, а, следовательно, как мы ранее и говорили, – нельзя рассматривать элементы внутреннего мира человека изолированно от самого внутреннего мира человека.

А представить себя без души мы не способны до сих пор потому, что сам термин «душа» является так называемой «смысловой ловушкой», т.е. вопросом, на который невозможен ответ, ибо, как гласят постулаты контрэкзистенциализма: человеческая способность вопросы задавать намного превосходит человеческую способность на вопросы отвечать.

Далее эксперимент несколько сложнее и глобальнее.

«Человек без души»

Представьте себе человека, у которого нет души, психики, интеллекта, чувств, эмоций и всего подобного. Но! Он 24 часа в сутки притворяется, что у него это всё есть в наличии и функционирует также, как и у любого другого. Если мы спросим у него: «Есть ли у тебя психика?», то он ответит: «Конечно же, есть! Как и у тебя, наверное!» Но, к примеру, мы ему не доверяем и хотим проверить: не врёт ли он нам. Как мы поступим, дабы проверить истинность его слов? Если бы он говорил, что у него есть, к примеру, печень или сердце то, даже если бы мы ему не поверили, то мы всегда могли бы потребовать сделать УЗИ. Если бы он говорил, что у него есть кости – мы бы потребовали сделать КТ. Если бы он говорил, что у него есть мозг – нас спасло бы МРТ. Но вопрос же стоит о наличии психики. Можно попробовать сделать психологические тесты, но он же притворяется 24 часа в сутки, что у него есть психика, поэтому он пройдёт эти тесты так же, как прошёл бы их обычный человек.

Итак, как мы поймём, есть ли у человека психика, душа, интеллект или же он просто притворяется? Ответ: никак. Мы не знаем ни что они собой представляют, ни где их искать. Поэтому – мы формально даже не можем утверждать, что они «существуют», ибо не знаем, как это доказать. Мы просто априори принимаем, что они есть у нас самих и затем, по Лакану, идентифицируем своё Я с каждым Другим, признавая, что у него они, наверное, тоже есть [7; 8; 9; 10]. Но мы никогда не знаем, как обстоит эта ситуация на самом деле. И именно этого и не учёл Сёрл, когда был в «китайской комнате» и именно этого «слона» никто и не заметил.

Отсюда и возникает вопрос: как мы можем создать искусственный интеллект, если мы даже не можем быть уверены в наличии чего-либо подобного в самих себе? Ответ есть – в «контексте» и экзистенциализме, а также в диалектике и метафизике.

Тезис первый: нам не нужны доказательства – нам нужны функции.

Тезис второй: нам не нужно «понимать» – нам нужно уметь управлять. Поэтому, если ИИ сможет продемонстрировать те качества, которые априори являются сугубо человеческими и мы сможем это смоделировать, – то нас это вполне устроит.

1. Базарова, Д.Р., Демочкина, Л.В., Савельев, А.В. Новая нейробионическая модель онтогенеза / Д.Р. Базарова, Л.В. Демочкина, А.В. Савельев // в сб. тр. МИФИ: «Нейроинформатика-2002». – 2002, т. I. – С. 97-106.
2. Бейтсон, Г. Экология разума / Г. Бейтсон. – М.: Смысл. – 2000. – 476 с.
3. Винер, Н. Творец и Будущее / Н. Винер. – М., АСТ, 2003. – 732 стр.
4. Винер, Норберт. Кибернетика или управление и связь в животном и машине / Н. Винер. – М.: Советское радио, 1968. – 325 с.
5. McCarthy, John. Recursive Functions of Symbolic Expressions and Their Computation by Machine, Part I. – Communications of the ACM, 1960. – Т. 3, № 4. – С. 184-195.
6. Минский, М. Фреймы для представления знаний / М. Минский. – М.: Мир. – 1979. – 128 с.
7. Лакан, Ж. Инстанция буквы в бессознательном или судьба разума после Фрейда / Ж. Лакан. – М.: Русское феноменологическое общество / Логос, 1997. – С. 184.
8. Лакан, Ж. «Я» в теории Фрейда и в технике психоанализа / Ж. Лакан (1954/55) // Пер с фр. А. Черноглазова. – М.: Издательство «Гнозис», «Логос». – 1999. – 520 с.
9. Лакан, Ж. Изнанка психоанализа / Ж. Лакан (1969-1970) // Семинар, Книга XVII // Пер с фр. А. Черноглазова. – М.: Издательство «Гнозис», «Логос». – 2008. – 272 с.
10. Лакан, Ж. Четыре основные понятия психоанализа / Ж. Лакан (1964) // Семинар, Книга IX // Пер с фр. А. Черноглазова. – М.: Издательство «Гнозис», «Логос». – 2004. – 304 с.
11. Саймон, Г.А. Науки об искусственном / Г.А. Саймон. – М.: Мир, 1972. – 160 с.
12. Саймон, Г., Чинг, Ц. Распознавание, мышление и обучение как информационные процессы / Г. Саймон, Ц. Чинг // Психол. журн. – 1988. – №2. – С. 336.
13. Сёрл, Дж. Рациональность в действии / Дж. Сёрл // Пер. с англ. А. Колодия, Е. Румянцевой. – М.: Прогресс-Традиция, 2004. – 336 с.
14. Тьюринг, А.М. Вычислительные машины и разум. / А.М. Тьюринг // в сб. Хофштадер Д., Деннет Д. «Глаз разума». – Самара: Бахрах-М, 2003. – С. 47-59.

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ И ПРОБЛЕМЫ ИХ РЕАЛИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

В.А. Голубев (Минск, Беларусь)

На начало XXI в. демократические режимы существуют более чем в 1/3 государств мира. Падение в конце XX в. биполярного мира привело к тому, что многие бывшие страны социалистического лагеря перешли к демократической форме правления. Однако далеко не все государства, ставшие на путь демократического развития, могут должным образом применять на практике демократические принципы и задействовать соответствующие институты демократии. Во многом это объясняется отсутствием исторического опыта освоения демократических ценностей, а также незаинтересованностью определенных политических сил в реализации демократических принципов и норм в общественной жизни.

Демократия представляет собой систему, в которой политическая власть осуществляется свободно выражающим свою волю большинством граждан. Демократическая форма правления характеризуется наличием следующих признаков и принципов:

1. Назначение лидеров (глав) происходит посредством честных и состязательных выборов.
2. Единственным легитимным источником власти является народ.
3. Общество, назначая лидеров, тем самым осуществляет самоуправление для достижения общего блага.
4. Принцип разделения властей.
5. Принцип оппозиции.
6. Принцип политического плюрализма.
7. Принцип гласности

Наличие данных признаков дополняется рядом политических, экономических и личных прав и свобод, которые являются, по сути, демократическими ценностями. Высшей ценностью демократии является человек, его основные права и свободы. К ним относят такие личные права и свободы, как право человека на жизнь, право на личную свободу и неприкосновенность, право на неприкосновенность частной жизни. К политическим правам и свободам относятся: свобода мысли, свобода совести, свобода слова, равенство перед законом, справедливый и непредвзятый суд, право на участие в выборах, право на гражданство и свободу передвижения, право на политическое убежище.

Для реализации данных принципов, прав и свобод необходим ряд условий. Например, к ним относят определенный уровень социально-экономического развития, политическую грамотность населения, довольно